

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Бордачёва Тимофея Вячеславовича на тему: «Отношения Россия – Европейский союз и происхождение кризиса европейского международного порядка», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.4. «Международные отношения»

Диссертация Т.В. Бордачёва является оригинальным научным исследованием, посвященным изучению зарождения, развития и последующего кризиса либерального международного порядка (ЛМП), ставшего фундаментальным явлением современных международных отношений. Правила и институты ЛМП определяют как поведение отдельных стран и их объединений, так и основные параметры внутривнутриполитических систем государств, включенных в его структуру в качестве государств-участников. Уделяя основное внимание двухсторонним связям России и Европейского союза в период после окончания холодной войны, автор диссертации помещает их в изучаемую ведущими школами политической теории структуру силовых взаимоотношений, регулируемых как механизмами баланса сил, так и действием международных институтов.

Научная актуальность изучения данной тематики несомненна, поскольку кризис либерального международного (мирового) порядка определяет направление и темпы тектонических изменений, происходящих в отношениях России и Европейского союза, в межгосударственных связях на пространстве Евразии и в других регионах планеты. Если экономические последствия деглобализации просчитать теоретически возможно, то политические последствия нынешнего кризиса, а в теории и возможного краха либерального международного порядка, сформированного по итогам второй мировой войны и сейчас переживающего упадок, требуют самого пристального внимания и тщательного изучения. Пока в багаже экспертов-международников отсутствует инструментарий для проведения таких исследований и

рассматриваемая диссертация Т.В.Бордачёва является крупным шагом в решении указанной научной проблемы.

Целью диссертационного исследования является установление происхождения, содержания и масштабов влияния основных структурных факторов глобального и регионального уровня на эволюцию, содержание и важнейшие результаты отношений России и Европейского союза после холодной войны (стр. 54-55). Для ее достижения автору потребовалось решить несколько задач, из которых особенно выделим выявление и качественную характеристику важнейших факторов системного характера, определявших развитие и трансформацию международной системы после 1991 года в рамках взаимодействия таких феноменов, как баланс сил и международные институты. Являясь ключевыми понятиями реалистической и либеральной школ теории международных отношений, эти два феномена находятся в диалектической связи, действуют самостоятельно и оказывают структурное влияние друг на друга.

Т.В. Бордачёв приходит к оригинальному и убедительно обоснованному на конкретных исторических примерах выводу о том, что чем более гомогенным становится международный институт, тем меньше он способен в своих действиях учитывать интересы и ценности внешних по отношению к его участникам игроков. Как следствие, такая едва ли прогнозируемая в момент зарождения «ригидность» международных институтов на продвинутых этапах из развития ведет к развитию дестабилизирующей роли, которую данные институты начинают играть в рамках международной системы.

Взаимодействие баланса сил и международных институтов интеграционных структур является центральным элементом исследовательской повестки диссертации. Оно изучено на примере отношений России и ЕС, развивавшихся относительно поступательно в период военной, политической и экономической слабости России (1991-1999 гг.), а затем вступивших в период затяжного кризиса в начале нынешнего столетия. Особенно подчеркнём акцент, который сделан в диссертации на рассмотрении

ряда знаменательных событий в европейской и мировой политике 1999 г., обусловивших зарождение негативного тренда в развитии отношений России и «коллективного Запада» после окончания холодной войны. При этом, Т.В. Бордачёв справедливо отмечает, что потенциал конфликтности у этих отношений был всегда. А проявился он только в 1999 г. как следствие, прежде всего, внутренней динамики европейских институтов. Они усилили свои наднациональные полномочия в 1990-е гг. в результате относительно успешного создания экономического и валютного союза и подписания Амстердамского договора (стр. 167). Вследствие этого в Брюсселе возникла опасная для будущего всей европейской интеграции иллюзия того, что невоенная (нормативная) сила ЕС позволяет использовать ее на международной арене, добиваясь новых уступок со стороны Москвы, еще более уменьшая влияние Российской Федерации на баланс сил на континенте. Согласимся с выводом диссертанта о том, что потенциал конфликта всегда присутствовал в этой системе, будучи следствием отказа России в праве стать частью систему силовых и экономических отношений, как внутри ЕС, так и в более широких рамках трансатлантических связей.

В первой главе диссертации автор рассматривает эволюцию современного международного порядка как глобального по масштабам и изначально либерального по своей политической природе. Унаследовав основные параметры из эпохи холодной войны, ЛМП сумел сохраниться и даже на короткий период времени предстать в качестве безальтернативной модели мироустройства в течение «однополярного момента» 1990-х гг. В центре внимания диссертанта оказывается «европейская версия» ЛМП, прежде всего то, как отношения между государствами, его сформировавшими, определяются категориями силы, морали и справедливости. Следует согласиться с авторским выводом о том, что «...мораль и справедливость в Европе оказались намного более одиноки, чем на глобальном уровне. Они лишились поддержки со стороны силы, поскольку военная сила государств

больше не могла учитываться при калькуляции соотношения их возможностей в рамках торгова, присущего любому международному институту» (стр. 95)

Вторая глава диссертационного исследования посвящена применению модели изучения взаимодействия баланса сил и институтов в период максимального успеха интеграционного процесса в ЕС и развития институтов интеграции в 1990-е гг., а также в начале нынешнего столетия. По нашему мнению, диссертант использует по отношению к институтам евроинтеграции исследовательские методы, завоевавшие признание у политологов благодаря трудам М.Олсона, разработавшего концепцию общественных благ и теорию групп с их метафорой *free-riders*, т.е. государств и институтов, выступающих в роли «безбилетников». Институты ЕС не предпринимали сколько-нибудь масштабных усилий для утверждения и поддержания ЛМП, но в полной мере используют создаваемые им возможности для решения внешнеполитических задач и борьбы с историческими «фобиями» в отношении России, а в будущем, возможно, и Китая.

Именно таким образом, по нашему мнению, евроинституты во многом неправомерно присвоили себе ресурсы силовой политики мирового лидера-гегемона США, обосновывая свои претензии на ключевую роль в управлении процессами на пространстве Восточной Европы и бывшего СССР. Переход из эпохи «евросклероза» (1970 – начала 1980-х гг.) к реализации серии радикальных мер по наращиванию наднациональных полномочий органов управления ЕС стал возможен во многом благодаря этой заимствованной у Вашингтона силе, которая на практике никогда в полном объеме не была в распоряжении структур, управлявших европейским сегментом либерального международного порядка.

В третьей главе диссертационное исследование обращается к вопросам становления политики Российской Федерации в отношении Европейского союза. Выходя за рамки популярного убеждения в том, что драйвером развития этих отношений выступали экономические интересы государства и формировавшегося российского бизнеса, прежде всего связанного с добычей

природного газа и металлургией, автор в центр двухсторонних отношений помещает вопросы стратегического развития страны. Следует поддержать «рамки», в которых, согласно мнению Т.В.Бордачёва, формировалась российская политика этого периода. С одной стороны, Россия пыталась следовать правилам игры и условиям взаимодействия с ЕС в рамках Либерального международного порядка, которые создавали для Евросоюза значительные силовые преимущества, а с другой – Россия не могла проводить политику полного следования в русле ЕС, как это делали страны Восточной Европы. (стр. 204) С учетом этого автор дает оригинальную трактовку того, что же в действительности представлял собой «европейский выбор» с точки зрения части российского руководства, определявшего его как движение по пути, уже пройденному «более передовой» европейской культурой. (стр. 232) Поддержим основной вывод автора по этому вопросу: европейский выбор осуществлялся Россией «с позиции слабости» и мог сохраняться только до того момента, когда Россия оставалась ослабленной с точки зрения возможностей проведения на международной арене силовой политики (power politics). (стр. 233)

Четвертая глава рассматривает с политологической точки зрения важнейшие для российско-европейских отношений события и процессы, повлиявшие на позиции сторон и восприятие ими перспектив двухсторонних отношений в период 2009 – 2020 гг. В этот период элементы распада либерального международного порядка, которые уже невозможно стало не видеть или проигнорировать, привлекли внимание ученых в различных регионах планеты. Характерно, что именно в Европе, оказавшейся одним из ключевых бенефициаров ЛМП, его кризис проявился наиболее отчетливо, выразившись в серии финансово-экономических потрясений, подъеме консервативной волны, миграционном кризисе, БРЭЖЗИТе и, не в последнюю очередь – фактическим крахом выстраивавшихся почти четверть столетия отношений ЕС с Россией. «Поворот на восток» и «евразийский вектор», ознаменовавшие новый курс российской внешней политики, также

рассматриваются автором в контексте повышения уровня конфликтности в российско-европейских отношениях.

В Заключении диссертации автор формулирует ее основной вывод: международные институты ограничивают и регулируют поведение государств, но только в рамках того баланса сил, на котором они основаны. Их коллективные отношения с государствами, не включенными в этот баланс сил, остаются конкурентными и эгоистическими. (стр. 322) Также следует согласиться с еще одним выводом, помогающим понять современную природу международных институтов и имеющим большое практическое значение для Российской Федерации и других государств: «На уровне международной политики институты ...становятся не только ограничителями, но и мультипликаторами национального эгоизма государств». (стр. 322) Новая блоковая политика ЕС, сформировавшаяся одновременно с трансформацией ЕС в экономический и валютный союз, чье успешное развитие было невозможно без повышения уровня субъектности ЕС на глобальном уровне, оказалась не способна учитывать интересы внешних акторов. Даже таких крупных, как Российская Федерация.

Диссертационное исследование Т.В. Бордачёва, обладая несомненными достоинствами с точки зрения развития реалистической школы современной теории международных отношений и изучения генезиса международных институтов в меняющейся внешней среде, не свободно от недостатков, которые носят в основном дискуссионный характер.

Первое: автор заметно недооценивает фактор «мягкой силы», признаваемый в качестве ресурса внешней политики не только либеральными школами ТМО, но и неореалистами. В диссертации утверждается, что главным регулятором полномочий и исторической миссии международных институтов является сила и механизм баланса сил. Такое утверждение при всей его научной корректности, является излишне жестким, не допускающим использование мягкой силы при регулировании отношений внутри

международных институтов (зачастую манипуляторное), а также в региональном/глобальном форматах.

Второе: автор несколько упрощает толкование и действие фактора силы в международных отношениях, по сути сводя его к угрозам военного характера и применению военной силы на практике. Действительно, применение военной силы в указанных формах позволяет наиболее четко увидеть связь между намерениями, действиями и результатами внешней политики. Именно эта наглядность делает реализм столь привлекательным для изучения поведения государств на международной арене. При этом, одним из крупных достижений политической науки прошлого столетия является разработка тематики «дипломатии принуждения» в трудах американских ученых Александра Джорджа и Томаса Шеллинга. Как показал опыт США в 1980-е гг., умелое применение ресурсов дипломатии принуждения (например, в случае с программой «Стратегическая оборонная инициатива») помогает добиваться значительных внешнеполитических результатов без применения военной силы и даже без открытых угроз военного характера.

Третье: автор оставил без должного внимания наработки школы международной политической экономии (МПЭ) в теории международных отношений, в частности, теорию гегемонистской стабильности. Она позволяет по-новому представить взаимодействие реалистической и либеральной парадигм при достижении важнейших для глобальной стратегии крупнейших государств планеты целей. Т.В.Бордачёв проводит высокопрофессиональный анализ вклада МПЭ в понимание феномена силы на основе работ по данной тематике С.Стрэндж и Р.Кохейна. Но мы не можем согласиться с утверждением на стр. 155: «Теория гегемонистской стабильности неприменима на глобальном уровне, но может работать на региональном — или внутри отдельных подсистем». Данная теория, разработанная Чарльзом Киндлбергером, посвящена одному из основополагающих элементов ЛМП — роли государства-гегемона в утверждении либеральной модели мировой экономики. Большинство из известных нам определений ЛМП (А.Блумфилда

и А.Скотта, Д.Эллиса, Дж.Айкенбелли и Д.Доудни, А.Дж.ДиРобертиса и С.Ткаченко) в качестве первой и во многом определяющей его характеристики называют открытые рынки, а также низкие таможенные барьеры для торговли и инвестиций (на стр. 63 автор соглашается с этой характеристикой). Феномен утверждения в период после 1945 г. на значительной части планеты либеральной экономической модели путем применения США инструментария, полностью заимствованного из реалистической школы международных отношений (гегемония США как предоставляющего международной системе набор общественно-значимых благ, признание/поддержка этой гегемонии всеми другими приглашенными к участию в системе государствами-участниками) представляет собой уникальный пример того, как две школы ТМО могут позитивно взаимодействовать в важнейшей для мировой политики сфере экономического взаимодействия суверенных держав. Данный пример показывает, что либерализм и реализм сегодня зачастую не способны реализовывать формулируемые ими цели без взаимодействия и выборочного (ad hoc) сотрудничества. В рамках проведенного диссертационного исследования, возможно, заслуживала внимания попытка рассмотрения генезиса и кризиса ЛМП как процесса, на который оказывали не только конкурирующее, но и позитивное, взаимно-усиливающее влияние ценности либерализма и реализма в его современных версиях. Например, в этом контексте можно было бы по-новому рассмотреть феномен усиления институтов как предпосылки обострения межблоковых отношений, традиционных для баланса сил. Данный вывод автора диссертации может служить иллюстрацией базирующейся на неореалистических убеждениях теории гегемонистской стабильности, утверждающей, что либеральный экономический режим в мировой экономике может утвердиться лишь в условиях существования державы-гегемона, превосходство которой признают другие державы, обменивающие свою лояльность лидеру на преимущества либеральной экономики. Диссертант затрагивает роль экономической науки в зарождении либеральной теории

международных отношений, но оставляет за рамками своего внимание влияние трудов экономистов и политэкономов на развитие ее реалистического направления (выделим опубликованные в 1970-80е гг. работы по тематике гегемонистской стабильности Ч.Киндлбергера и Р.Гилпина).

Сделанные нами замечания и пожелания ни в коей мере не влияют на обоснованность основных положений и выводов диссертации Т.В. Бордачёва, они имеют целиком дискуссионный характер.

В завершение настоящего отзыва отметим, что диссертация Бордачёва Тимофея Вячеславовича на тему: «Отношения Россия – Европейский союз и происхождение кризиса европейского международного порядка» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в СанктПетербургском государственном университете», соискатель Бордачёв Тимофей Вячеславович заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.4. Международные отношения. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

С.Л.Ткаченко
член диссертационного совета
д-р экон. наук, профессор
кафедра европейских исследований СПбГУ

20.12.2021